

Вечерний звон, возвещающий о начале ужина, разнесся по замку, и ученики, словно стая голодных ворон, хлынули в Большой зал. Обычно почтовые совы допускались в святая святых только во время завтрака. Такой порядок был установлен, чтобы не превратить столовую в шумный птичий рынок, где совы летали бы туда-сюда в любое время дня и ночи. Кроме того, это минимизировало отвлекающий фактор, который могла создать совиная почта: студент, ожидающий важное письмо, мог быть уверен, что, если оно не пришло сегодня, то придет завтра. Действительно важные или срочные послания отправлялись по Летучему пороху к старосте ученического дома. Иногда для доставки почты использовались и эльфы, но даже в этом случае подопечные разрешали доставлять письма только через старосту. Исключений было всего два - официальные совы Гринготта и совы Министерства. Первые являлись наследием одного из многочисленных конфликтов между волшебниками и гоблинами - восстания, если спрашивает волшебник, или войны, если говорит гоблин. То, что гоблины даже согласились ограничить поставки в Большой зал, стало для переговорщиков неожиданностью - после того конфликта именно гоблины диктовали условия. Второй же случай стал результатом того, что в 1850-х годах министры просто не принимали отказов. Несколько директоров школ в конце концов уговорили Министерство ограничить вечернюю доставку только самыми важными письмами и документами. Так в Большой зал влетели семь сов с черными конвертами. Рон и Гермиона наблюдали, как шесть сов приземлились на стол Слизерина. Седьмая, к их удивлению, прилетела к чистокровному ирландцу по имени Эван Льюис, одному из гриффиндорцев седьмого курса. Открыв письмо, мальчик выглядел покорным, но не шокированным. Когда Кэти Белл протянула руку, чтобы сжать его ладонь, Рон вспомнил, что они встречаются уже несколько недель. — Бабушка сдала, — тихо сказал Льюис. Младшие ученики, многие из которых не знали, что означают черные конверты, теперь поняли. Кто-то умер, и семь студентов Хогвартса теперь стали главами своих домов. Тяжело было узнать об этом за ужином. Гарри, Невилл и Полумна вошли в Большой зал как раз вовремя, чтобы увидеть, как Аарон Харпер вскочил из-за стола Слизерина и закричал: — Они лгут! — сердито сказал четверокурсник. Письмо дрожало в его руках, и Гарри мог сказать, что горе было хотя бы отчасти искренним. Один из друзей Харпера встал и обхватил плечо горюющего мальчика, а затем обнял его. Харпер опустил письмо на пол, и Гарри увидел небесно-голубую записку, выпавшую из складок письма, - уведомление из ОМП о том, что по факту смерти ведется расследование. Взглянув на стол Слизерина, Гарри увидел еще два таких же синих уведомления - одно перед Амброузом Руквудом, шестикурсником, а другое рядом с Винсентом Крэббом, одним из заместителей Драко Малфоя. Он не видел, кто еще получил извещения, потому что остальные трое покинули Большой зал, как только увидели конверты. Невозможно вырасти в доме Пожирателя смерти и не знать, что означают эти конверты. Во время первой войны слизеринцы часто делали ставки на то, куда упадет каждый черный конверт. В те дни обычно извещение доставалось одной из жертв Темного Лорда, а не меченому. В суматохе никто не заметил их появления. Воспользовавшись этим, Полумна пробралась к месту Джинни на Гриффиндоре. Невилл, заметив, куда смотрит Гарри, остался рядом. — Наверное, на кухне будет проще, Нев, — тихо сказал Гарри. Он обменялся кивками с другими членами своей команды, а также со Сьюзен Боунс за столом Хаффлпаффа. Сьюзен Боунс, сидевшая за столом Хаффлпаффа, похлопала себя по уху, получив кивок от Гарри. Смысл ее слов был безошибочен: "Поговорим позже". — Может быть, — ответил Невилл. Он кивнул в сторону Крэбба, который в этот момент встал. — Думаешь, это сработает? Гарри пожал плечами. — Я должен попытаться, приятель. Если они будут думать, что у них нет выбора, они будут сражаться еще сильнее. — Он взглянул на своего друга. — Подумай об Уотли. Он кивнул. История Эллиса Уотли потрясла их обоих - и мадам Боунс, когда она узнала об этом. К ним приближался Крэбб, за ним следовала Панси Паркинсон. Драко Малфой и Грег Гойл, похоже, не заметили, что их друг ушел. Когда слизеринцы подошли достаточно близко, Гарри отошел в сторону и жестом пригласил их в вестибюль. Они прошли несколько шагов по коридору, прежде чем Крэбб заговорил. — Это правда? — спросил он без предисловий. Гарри посмотрел на него, обдумывая,

что ответить. Затем он повернулся к Пэнси.— Наследница Паркинсон, в соответствии со старыми традициями Дом Поттеров просит вас стать свидетелем Парли. — Ее глаза расширились при этих словах, и она побледнела от такого намека. Каждый чистокровный знал, что означает "Парли", и знал, почему это такая редкость. Эти правила они выучили почти сразу, как только научились читать. Отец вдалбливал их ей наравне с уроками этикета и магии. Среди всех правил, которым должны были следовать чистокровные, два были важнее всех остальных. Одно из них гласило: "Никогда не ввязывайся в кровную вражду". "Никогда не усугубляй кровную вражду" - второе. Дом Поттеров был вовлечен в кровную вражду. Она поняла. Она перевела взгляд на друга и по выражению его лица поняла, что он тоже это понимает. Когда? С кем? Она перевела взгляд на друга Поттера и произнесла. — Почему бы вам не попросить Дом Долгопупсов быть свидетелем, наследник Поттер?— Я был бы рад, если бы не тот факт, что Дом Долгопупс состоит в союзе с Домом Поттеров. — Невилл улыбнулся, приняв это предложение за комплимент, независимо от того, было ли это так или нет. — Это было бы неуместно. Долгопупс и Поттер, подумала она. Мерлин. Драко будет в ярости. Черт, отец Драко тоже будет в ярости. Она оглянулась на Поттера и поняла, что у нее действительно есть только один выход. Кивнув, она произнесла ритуальные слова.— Дом Паркинсон будет свидетелем Парли.

<http://tl.rulate.ru/book/101203/3475147>